

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ РОССИЙСКИХ И ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ В ОТНОШЕНИИ МНОГОДЕТНОСТИ

А. С. Курапова^а, С. В. Курапов^а, М. Н. Канев^б

^а Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева (Москва, Россия)

^б Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Уральский институт управления – филиал (Екатеринбург, Россия)

АННОТАЦИЯ

Введение. Падение рождаемости в мире соседствует с демографическими усилиями макроуровня в ряде развитых стран. Студенческая молодежь – группа, в которой ценностные ориентации активно формируются. Цель – выявить взаимосвязи между институциональными факторами макро-, мезо- и микроуровней, определяющие ценностные ориентации на многодетность.

Материалы и методы. Теоретическую основу составили концепция второго демографического перехода, институциональная теория, модель социального капитала, теория рационального выбора и исторический институционализм. Эмпирическая база – анкетный опрос об установках на трех институциональных уровнях 1188 студентов вузов Санкт-Петербурга: российские студенты (556 чел.), студенты-геймеры (521 чел.), иностранцы из развивающихся стран (Йемен, Индия, Пакистан, Вьетнам, Малайзия; 111 чел.). Статистическая обработка – корреляционный анализ Спирмена, z-преобразование Фишера и ANOVA в JAMOVI v. 2.7.

Результаты. У российских студентов микрофакторы («Дружба», «Труд», «Милосердие») значимо не связаны с прямой установкой на многодетность («Семья»); наиболее сильная положительная связь с макрофактором «Страна», что указывает на прямую трансляцию макронаратива в обход мезоуровня. У иностранцев мезофакторы («Многопоколенность», «Жертвенность») препятствуют формированию установок, но опорой выступает микрофактор «Дружба». У студентов-геймеров, напротив, мезофакторы («Помощь сообщества», «Религиозное сообщество», «Бескорыстие») значимо положительно связаны с фактором «Семья». Выявлены зоны высокой дисперсии (факторы, чувствительные к внешним воздействиям): у россиян – «Родина», «Бескорыстие», «Религиозное сообщество», «Семья»; у геймеров – «Страна», «Народ», «Бескорыстие», «Семья»; у иностранцев – «Родина», «Культура», «История», «Бескорыстие», «Семья», что определяет потенциальные точки приложения молодежной политики.

Обсуждение. Выбор «страна или многодетность» выступает эмоциональным триггером. Ценность жертвенности выполняет компенсаторную функцию, замещая дефицит социального капитала. У иностранцев негативные корреляции с мезофакторами отражают культурный конфликт. Даже минимальные объединения в сообщества способны формировать ценностные ориентации на многодетность. Адресная политика должна работать с зонами высокой дисперсии и преодолевать два ключевых институциональных барьера отрицательных связей: «Семья» – «Многопоколенность» (конфликт нуклеарной и расширенной семьи) и «Культура» – «Помощь сообщества» (разрыв между культурными ценностями и реальной поддержкой).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Институциональный анализ, многодетность, студенческая молодежь, социальный капитал, ценностные ориентации, мезоуровень, макроуровень, микроуровень.

ФИНАНСИРОВАНИЕ

Статья выполнена в рамках реализации НИОКТР: 125021001848-8 в ФГБНИУ «Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева».

© А. С. Курапова, С. В. Курапов, М. Н. Канев, 2026

Open Access This article is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License, which permits use, sharing, adaptation, distribution and reproduction in any medium or format, as long as you give appropriate credit to the original author(s) and the source, provide a link to the Creative Commons license, and indicate if changes were made.

БЛАГОДАРНОСТИ

Авторы выражают благодарность коллегам из СПбГЭТУ «ЛЭТИ» за возможность проведения социологической диагностики.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Курапова А. С., Курапов С. В., Канев М. Н. Институциональный анализ ценностных ориентаций российских и иностранных студентов в отношении многодетности // Вопросы управления. 2026. Т. 20, № 3. С. 86–104. EDN RLKMCU.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Курапова Анна Сергеевна – кандидат социологических наук; Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева (119072, Россия, г. Москва, Берсеневская наб., д. 18-20-22, стр. 3) – *старший научный сотрудник отдела культурологии*; ann-shilyaeva@yandex.ru. SPIN 1802-8320, ORCID 0009-0007-3962-2850, Scopus 60137715800, Researcher AAE-3594-2026.

Курапов Сергей Владимирович – кандидат социологических наук; Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева (119072, Россия, г. Москва, Берсеневская наб., д. 18-20-22, стр. 3) – *старший научный сотрудник отдела культурологии*; sv_ksv@mail.ru. SPIN 5004-1747, ORCID 0000-0002-2003-7439, Scopus 60137327400, Researcher AAE-3570-2026.

Канев Максим Николаевич – Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Уральский институт управления – филиал (620144, Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, д. 66) – *старший преподаватель*; kanev-mn@ranepa.ru. SPIN 2641-9395, ORCID 0009-0004-4401-4073, Researcher AAE-3600-2026.

ВКЛАД АВТОРОВ

Курапова А. С. – научное руководство, разработка концепции и теоретико-методологической рамки исследования, критический анализ литературы, формулировка гипотез и выводов, написание основных разделов рукописи (введение, обсуждение, заключение), финальное редактирование и утверждение текста.

Курапов С. В. – разработка дизайна и инструментария эмпирического исследования, организация и проведение аудиторного опроса (n=1188), статистическая обработка данных (корреляционный и дисперсионный анализ), интерпретация результатов, подготовка разделов «Материалы и методы», «Результаты».

Канев М. Н. – ресурсное обеспечение; обзор зарубежной литературы, участие в подготовке практических рекомендаций, техническое редактирование текста, оформление библиографии, таблиц и рисунков.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СРЕДСТВ ИИ

Авторы заявляют о том, что при написании данной статьи не применялись средства генеративного искусственного интеллекта.

Статья поступила 15.06.2026; рецензия получена 21.08.2026; принята к публикации 30.08.2026.

RESEARCH ARTICLE

VALUE ORIENTATIONS INSTITUTIONAL ANALYSIS OF RUSSIAN AND FOREIGN STUDENTS TOWARDS LARGE FAMILIES

A. S. Kurapova ^a, S. V. Kurapov ^a, M. N. Kanev ^b

^a Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage named after D. S. Likhachev (Moscow, Russia)

^b Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Ural Institute of Management (Yekaterinburg, Russia)

ABSTRACT

Introduction. The global decline in fertility coexists with macro-level demographic efforts (South Korea, Russia, China, Singapore, etc.). Student youth is of particular interest, that is a group where values are actively being formed. The aim is to identify and establish the interrelationships between institutional factors of the macro-, meso-, and micro-levels that determine value orientations toward large families among student youth.

Materials and methods. The theoretical framework is based on the concept of the second demographic transition, institutional theory, the social capital model, the theory of rational choice, and historical institutionalism. The empirical basis is a questionnaire survey of attitudes at three institutional levels among 1,188 students from St. Petersburg: Russian students (n=556), student gamers (n=521), and international students from developing countries – Yemen, India, Pakistan, Vietnam, Malaysia (n=111). Statistical processing included correlation analysis (Spearman), Fisher's z-transformation, and ANOVA in JAMOVI v. 2.7.

Results and conclusions. Among Russian students, micro-level factors («Friendship», «Labor», «Compassion») are not significantly associated with the direct orientation towards a large family («Family»); the strongest positive correlation is with the macro-factor «Country», indicating direct transmission of macro-narratives bypassing the meso-level. For international students, meso-level factors («Multigenerationality», «Self-sacrifice») hinder the formation of large-family orientations, with the micro-factor «Friendship» serving as a supporting resource. For student gamers, conversely, meso-level factors («Community Support», «Religious Community», «Selflessness») are significantly positively correlated with «Family». High-variance zones (factors sensitive to external influences) have been identified: for Russian students – «Homeland», «Selflessness», «Religious Community», «Family»; for gamers – «Country», «Nation», «Selflessness», «Family»; for international students – «Homeland», «Culture», «History», «Selflessness», «Family», which determines potential targets for youth policy.

Discussion. The choice «country or large family» acts as an emotional trigger. The value of self-sacrifice performs a compensatory function, compensating for the lack of social capital. For international students, negative correlations with meso-factors reflect cultural conflict. Even minimal community associations can shape value orientations towards large families. Targeted policy should work with high-variance zones and overcome two key institutional barriers expressed as negative correlations: «Family» – «Multigenerationality» (conflict between nuclear and extended family) and «Culture» – «Community Support» (gap between cultural values and actual support).

KEYWORDS

Institutional analysis, large families, student youth, social capital, value orientations, meso-level, macro-level, micro-level.

FUNDING

The work has been carried out as part of the implementation of the research and development project: 125021001848-8 at the Russian Research Institute of Cultural and Natural Heritage named after D. S. Likhachev.

ACKNOWLEDGEMENTS

The authors would like to express their gratitude to their colleagues from SPbGETU «LETI» for the opportunity to conduct sociological diagnostics.

FOR CITATION

Kurapova, A. S., Kurapov, S. V., Kanev, M. N. (2026) Value orientations institutional analysis of Russian and foreign students towards large families. *Management Issues*, 20 (3). 86–104. <https://elibrary.ru/rlkmcu>.

AUTHORS' INFORMATION

Anna S. Kurapova – Candidate of Sociological Sciences; Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage named after D. S. Likhachev (119072, Moscow, Bersenevskaya Emb., 18-20-22, bldg. 3) – *Senior Researcher, Department of Cultural Studies*; ann-shilyaeva@yandex.ru. SPIN 1802-8320, ORCID 0009-0007-3962-2850, Scopus 60137715800, Researcher AAE-3594-2026.

Sergey V. Kurapov – Candidate of Sociological Sciences; Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage named after D. S. Likhachev (119072, Moscow, Bersenevskaya Emb., 18-20-22, bldg. 3) – *Senior Researcher, Department of Cultural Studies*; sv_ksv@mail.ru. SPIN 5004-1747, ORCID 0000-0002-2003-7439, Scopus 60137327400, Researcher AAE-3570-2026.

Maxim N. Kanev – Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Ural Institute of Management (620144, Yekaterinburg, 8 Marta St., 66) – *Senior Lecturer*; kanev-mn@ranepa.ru. SPIN 2641-9395, ORCID 0009-0004-4401-4073, Researcher AAE-3600-2026.

AUTHORS' CONTRIBUTION

Kurapova A. S. – scientific supervision, conceptualization and development of the theoretical and methodological framework of the study, critical literature review, formulation of hypotheses and conclusions, writing of the main sections of the manuscript (Introduction, Discussion, Conclusion), final editing and approval of the text.

Kurapov S. V. – development of the research design and empirical toolkit, organization and conduct of the classroom survey (n=1188), statistical data processing (correlation and variance analysis), interpretation of the results, preparation of the «Materials and Methods» and «Results» sections.

Kanev M. N. – resource provision; review of foreign literature, participation in the preparation of practical recommendations, technical editing of the text, formatting of references, tables and figures.

CONFLICT OF INTEREST

The authors declare no conflicts of interest.

USE OF AI TOOLS DECLARATION

All authors declare that they have not used Artificial Intelligence (AI) tools for the creation of this article.

The article was submitted 15.06.2026; reviewed 21.08.2026; accepted for publication 30.08.2026.

■ ВВЕДЕНИЕ

Социальные тренды во многих развитых странах направлены на приоритет многодетности, но реальное репродуктивное поведение населения демонстрирует обратное. По данным Всемирной организации здравоохранения на 2024 г., 17,5% населения земли сталкивались с бесплодием, и данный тренд продолжает расти¹. Общий коэффициент рождаемости (Кр) в мире из года в год снижается, сократившись более чем в два раза – с 4,84 (1950) до 2,23 (2021), и, по прогнозам социологов, еще сократится к 2050 г. более чем в трех четвертях стран до уровня ниже воспроизводства населения [1].

Суммарный коэффициент рождаемости (СКР) также существенно снизился с 1970 по 2022 г. Например, в Канаде – с 2,3 до 1,3, в Италии – с 2,4 до 1,2, а в Австралии – с 2,9 до 1,6, в Сингапуре падение было с 3,1 до 1,0. СКР в США на 1974 г. был на уровне 2,14, а далее постепенно снижался, достигнув к 2023 г. показателя в 1,94². Исследование Kreyenfeld and Konietzka показало, что в некоторых европейских странах доля бездетных женщин в конце репродуктивного возраста на 2017 г. составляла не менее 20% [2]. В США показатели также выросли – с 9 до 17% (Мерц и Лифбрукер, 2012) [3].

В странах Восточной Азии СКР снизился еще сильнее, чем в западных странах. Например, в Китае – с 6,1 в 1970 г. до 1,3 в 2022 г.³, после чего правительство Китая предприняло меры, направленные на стимулирование СКР, но тенденцию это все равно не переломило [4]. Китайские социологи выявили, что даже само решение о рождении дополнительных детей играет значимую роль в повышении или понижении уровня СКР, и относят к положительным факторам наличие детей и социальную поддержку, а к отрицательным – опасения

по поводу старения, нестабильную занятость, высшее образование, конфликты между работой и семьей [5].

Репродуктивные проблемы наблюдаются и в других странах Восточной Азии. Например, к 2010 г. в Японии были бездетными около 30% женщин, родившихся в 1970-х гг., в Сингапуре – около 20%; в Южной Корее – около 10% [6], но к 2020 г. их доля составила уже 19% [7], после чего в 2023 г. правительство Южной Кореи даже изменило критерии многодетности, которой теперь считается семья с двумя и более детьми⁴.

В Послании Президента РФ Федеральному Собранию от 29 февраля 2024 г. многодетность провозглашается новым общественным идеалом⁵, но в 2025 году СКР фиксировался на уровне 1,4 (ср.: в 1970 г. – 2,1, в 2015 г. – 1,8)⁶. Несмотря на макроусилия, тенденция к малодетности и бездетности растет, что требует глубинного институционального анализа. Особого внимания заслуживает студенческая молодежь как социальная группа, в которой активно формируются репродуктивные ориентации. Современные российские исследования фиксируют противоречивые тенденции в брачно-семейных ценностях этой группы, где наряду с сохранением традиционных установок наблюдается рост инфантильных и отсроченных моделей родительства [8], что также делает студентов релевантной эмпирической базой для институционального анализа факторов, определяющих ценностные ориентации в отношении многодетности.

Говоря об актуальности выбранной группы, отметим, что студенческая молодежь неоднородна по репродуктивным установкам: сельские юноши и девушки демонстрируют более высокую ориентацию на многодетность и традиционные

¹ Всемирная организация здравоохранения. Бесплодие. 2025. – URL: https://www.who.int/health-topics/infertility#tab=tab_1 (дата обращения: 20.03.2026).

² Statista Inc. Average number of own children under 18 in families with children in the United States from 1960 to 2023. – URL: <https://www.statista.com/statistics/718084/average-number-of-own-children-per-family/> (дата обращения: 15.11.2025).

³ World Bank Gender Data. Fertility rate (total births per woman). – URL: <https://genderdata.worldbank.org/en/indicator/sp-dyn-tftr-in.DOI.10.1016/j.cities.2022.103812> (дата обращения: 08.02.2026).

⁴ Вы стали многодетной семьей. В Корее изменились критерии «многодетной семьи» // Коре Ильбо. – URL: <https://koreilbo.com/news/vy-stali-mnogodetnoy-semey-v-koree-izmenilis-kriterii-mnogodetnoy-semi/> (дата обращения: 16.11.2025).

⁵ Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию (29 февраля 2024 года) // Официальный сайт Президента России. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50431> (дата обращения: 20.11.2025).

⁶ ВЦИОМ (Всероссийский центр изучения общественного мнения). Репродуктивные планы россиян: два пишем – три в уме : аналитический обзор. 2025. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/reproduktivnye-plany-rossijan-dva-pishem-tri-v-ume> (дата обращения: 20.11.2025).

семейные ценности, чем городские, которые сокращают репродуктивные ориентации из-за стремления к самореализации (А. А. Вялышина) [9]. Факторы, определяющие репродуктивные намерения студентов, также существенно различаются в зависимости от региона проживания [10], что требует регионально дифференцированного исследовательского подхода.

Известная концепция «Второго демографического перехода» Р. Лестаге и Д. ван де Каа объясняет снижение рождаемости ростом индивидуалистских ценностей, а концепция «Третьего демографического перехода» Д. Коулмэна связывает этот процесс с миграцией в страны с низкой рождаемостью. Однако современные исследования показывают, что российская траектория не вполне соответствует этим моделям. Как справедливо отмечает С. В. Захаров, за три десятилетия российский кейс продемонстрировал, что снижение рождаемости обусловлено не столько индивидуалистскими ценностями, сколько институциональными факторами и макроэкономической нестабильностью [11]. Близкие выводы делают В. А. Ионцев и Ю. А. Узкая применительно к миграционной составляющей «Третьего демографического перехода», подчеркивая, что в российских условиях институциональные и экономические факторы играют не менее значимую роль, чем миграционные процессы [12]. Это ставит вопрос о необходимости институционального анализа механизмов трансляции макростимулов напрямую, при влиянии которых молодежь сознательно отказывается от родительства из-за объективных сложностей, которые создает институциональная и макроэкономическая среда.

Интересно, что исследования последних лет подтверждают наличие институционального разрыва между позитивным отношением к семье и деторождению и реальными репродуктивными планами, что свидетельствует о несовпадении ценностных ориентаций молодежи и поведенческих стратегий. Подтверждают этот тезис и выводы И. М. Лоскутовой о том, что 80% студентов планируют иметь детей, но лишь немногим более половины ориентируются на двоих, а 15–20% считают допустимым иметь бездетную семью [13]. Это говорит о ценности семьи как таковой, что не тождественно ценностям многодетности.

Исследователи А. П. Багирова и В. Ю. Соколова обращают внимание на слабую связь между корпоративной демографической политикой и репродуктивными ориентациями студенческой молодежи и подчеркивают тот фактор, что даже при наличии формальных мер поддержки студенты не воспринимают их как значимые стимулы для изменения репродуктивного поведения [14], что говорит о разрыве между предложениями

макроинститутов и их субъективной ценностью для молодежи.

Важно отметить, что ценностный конфликт между семейными и внесемейными ценностными ориентациями становится ключевым барьером для реализации репродуктивных установок. Д. Ф. Алиев считает, что у современной молодежи наблюдается усиление внесемейных ценностей (карьера, самореализация, досуг), которые вступают в противоречие с традиционными семейными нормами (коллективизм, распределение гендерных ролей, официальный брак, межпоколенческие связи) [15], что требует институционального анализа механизмов этого конфликта.

С точки зрения П. Бергера и Р. Миллса, институты семьи и брака выступают как обособленные комплексы социальных действий и формы сочетания религиозных, образовательных и воспроизводящих социальных ролей⁷, где поведение каждого члена группы становится предсказуемым по своим ценностным ориентациям и формам их проявления. Это заставляет людей идти «проторенными дорогами», которые само общество считает правильными, и ограничивать организационные действия институционализированными нормами. Классическим выражением этого механизма в организационной теории выступает концепция изоморфизма, согласно которой организации вынужденно копируют успешные институциональные образцы, попадая в «железную клетку» коллективной рациональности. Как отмечают спустя 40 лет авторы этой теории Д. Пауэл и Ди Маджио, ее формирование было в значительной степени обусловлено идеями о социальных сетях и структурной эквивалентности [16].

По Д. Нортю, социальные институты иерархично встраиваются и производят ретрансляцию норм от создателей «правил игры» – институтов макроуровня – через мезоуровень к микроуровню повседневных взаимодействий индивидов. В современной институциональной теории эта трехуровневая структура получает дальнейшее развитие и, как подчеркивают Менар и Мартино, мезоинституты представляют собой ключевые передаточные механизмы, без которых макростимулы не могут быть эффективно восприняты и реализованы на микроуровне [17].

Обратим внимание на мезоуровень. В исследовании С. Кирдиной-Чэндлер он понимается и как пространство формирования правил, и как сами эти правила, на основе которых взаимодействуют микросубъекты [18]. Мезоуровень включает меньшее количество субъектов, на которых проще воздействовать макроинститутам, и через себя открывает возможности влияния на микроуровень.

Важным элементом мезоуровня выступает социальный капитал как совокупность социальных

⁷ Бергер П. Л. Приглашение в социологию: гуманистическая перспектива / пер. под ред. Г. С. Батыгина. М.: Аспект-Пресс, 1996. 168 с. ISBN 5-7567-0058-7.

связей и норм, облегчающих кооперацию и взаимопомощь. Исследователи «теории поля» считают, что социальный капитал способствует сотрудничеству между субъектами, занимающими разные позиции в социальном пространстве. П. Бурдьё ко всему этому добавляет формирование латентных связей между акторами, а Р. Путнэм отмечал, что социальный капитал включает также нормы взаимности и доверия, формирующиеся в горизонтальных сетях мезоуровня. Переосмысливая эти классические подходы, Д. Рогозин приходит к выводу, что современная теория социального капитала все больше смещается в сторону анализа его сетевой и институциональной природы [19].

Концепцию влияния социального капитала на репродуктивное поведение, заключающуюся в акценте роли родственных связей и социальных сетей отношений как мезоуровневого детерминанта рождаемости, предложили Д. Роуз и Дж. Гуаньяно [20]. Они утверждают, что женщины с более высоким уровнем социального капитала с большей вероятностью родят еще одного ребенка. В их модели социальный капитал является ключевым, однако критерии измерения и оценки представляются им весьма затруднительными, иначе макроструктуры давно бы решили эту задачу. Результаты их более раннего исследования «Статистика доходов и условий жизни в ЕС за 2014 г.» (N = 15735) также утверждали, что социальная поддержка увеличивает вероятность рождения детей, независимо от экономических, демографических и медицинских характеристик. При этом различные компоненты социального капитала могут играть разную роль и иметь разный вес в индивидуальных решениях микросубъектов в зависимости от культурного и институционального контекста⁸.

В контексте восточноазиатских стран, где уровень рождаемости является одним из самых низких в мире, социальное доверие оказывает значимое положительное влияние на репродуктивные намерения молодежи только в том случае, если оно подкрепляется реальными институциональными механизмами поддержки [21]. В Китае «офлайн-социальный капитал» (реальные сети поддержки) оказывает более сильное влияние на репродуктивные намерения, чем «онлайн-социальный капитал». Это подчеркивает важность материальных, а не виртуальных форм взаимопомощи для формирования установок на деторождение [22]. А в Финляндии, где институциональная поддержка семей является одной из самых развитых в мире, социологи обнаружили, что социальные ресурсы, включая поддержку со стороны друзей и родственников, остаются значимым предиктором репродуктивных намерений даже при высоком уровне государственной поддержки и доверия к власти со стороны общества

[23]. Данный аспект является значимым для архитектуры нашего исследования, в контексте анализа мезоуровневых механизмов, и указывает на то, что они не могут быть полностью замещены макроинститутами.

Модель институционализма «рационального выбора» Г. Беккера рассматривает многодетность через экономическую целесообразность и прагматизм, объясняя снижение рождаемости процессом рационального выбора, при котором количество детей сокращается, а доход, приходящийся на каждого ребенка, увеличивается. Как показывает современное эмпирическое исследование, модель компромисса между количеством и качеством детей Г. Беккера остается ключевой для понимания репродуктивного поведения в развитых странах, хотя ее действие модифицируется институциональными факторами [24]. В этой конструкции долгосрочные решения о рождении детей и ценность многодетности в значительной степени зависят от ощущения экономической стабильности, а откладывание рождения детей – не отказ от семейной жизни вообще, а рациональная адаптация к ограниченности ресурсов и неопределенности будущего. О том же свидетельствуют данные российских исследователей Р. Р. Гариповой и В. О. Кузнецова – откладывание деторождения становится доминирующей стратегией среди студенческой молодежи: 92,8% студентов называют отсутствие денежного достатка главным препятствием для рождения детей, а более половины считают оптимальным возрастом для первых родов 23–26 лет [25].

В свое время модель Беккера подверглась критике через модель исторического институционализма Д. Капоччи и Р. Д. Келемен, где чередование фазы изменчивости и институционального воспроизводства опосредуется долгосрочным влиянием выбора, сделанного в критические моменты истории, закрывающего альтернативные возможности и порождающего самоподдерживающиеся процессы, зависящие от предшествующего пути развития (path-dependent) [26]. Модель объясняет, почему макроинституциональные изменения, направленные на повышение рождаемости, могут приводить к устойчивому сопротивлению на микроуровне. К подобным выводам пришла и уже упоминаемая нами И. М. Лоскутова: рыночное общество, основанное на индивидуализме и конкурентности, объективно не способно обеспечить демографическое воспроизводство, что создает системное рассогласование между макростимулами и микроуровневыми установками [13].

Цель нашего исследования состоит в выявлении институциональных факторов макро-, мезо- и микроуровней, определяющих формирование у студенческой молодежи ценностных ориентаций

⁸ De Rose A., Guagnano G. Having Children in Different Territorial Contexts: The Role of Social Capital // European Population Conference 2018: conference paper. – Brussels, 2018. – URL: <http://epc2018.eaps.nl/abstracts/18-195.pdf> (дата обращения: 12.04.2026).

в отношении многодетности и, посредством эмпирической диагностики, установление характера их взаимосвязи.

Задачи исследования:

- операционализировать понятия микро-, мезо- и макроуровневых факторов применительно к ценностным ориентациям в отношении многодетности;
- разработать инструментарий для диагностики ценностных ориентаций молодежи в соответствии с институциональными уровнями;
- эмпирически измерить и сравнить силу корреляционных связей между ценностными ориентациями в отношении многодетности и факторами каждого из институциональных уровней в группах российской и иностранной молодежи;
- на основе полученных данных выявить ключевые барьеры и предложить практические инструменты молодежной политики.

Таким образом, на основе теоретического анализа (концепции второго демографического перехода, институциональной теории Д. Норта, модели социального капитала Д. Роуза и Дж. Гуаньяно, теории рационального выбора и исторического институционализма Г. Беккера) и существующих эмпирических данных мы выдвигаем следующую основную гипотезу исследования: формирование ценностных ориентаций, связанных с многодетностью, у российской молодежи детерминировано преимущественно факторами микроуровня (ориентация на большую семью, дружеские связи, трудовую деятельность), а факторы мезо- и макроуровня будут иметь статистически более слабые корреляции. При этом связь макростимулов с личными репродуктивными установками является прямой, минуя мезоуровневые механизмы.

Представляется возможным выделить дополнительные гипотезы, состоящие в том, что у студентов-геймеров как носителей мезоуровневой идентичности связь ценностных ориентаций на многодетность с мезофакторами будет значимо сильнее, чем у обычных российских студентов, а у иностранных студентов (представляющих иные институциональные и культурные среды) ключевое значение для формирования ценностных ориентаций на многодетность приобретают факторы мезоуровня (религиозная община, этническое сообщество, взаимопомощь). Корреляции с микро- и макроуровневыми факторами у этой группы ожидаются статистически незначимыми или существенно более слабыми по сравнению с группой российской молодежи.

■ МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

В модели авторского исследования на институциональном макроуровне располагаются установки общественных социальных институтов, которые способны создать среду для изменения ценностных ориентаций при условии согласованности с остальными институциональными

уровнями. На мезоуровне представлены установки на взаимодействие с сообществами, а на микроуровне – личные ценностные ориентации, сформированные повседневностью.

Авторским коллективом был проведен аудиторный анкетный опрос студенческой молодежи ($n=1188$), из которых: 556 (47%) – российские студенты, не являющиеся членами организованных игровых сообществ; 521 (44%) – российские студенты, идентифицирующие себя как геймеры и состоящие в соответствующих онлайн-сообществах; 111 (9%) – иностранные студенты из развивающихся стран (Йемен, Индия, Пакистан, Вьетнам и Малайзия).

Выделяя студентов-геймеров в отдельную когорту, авторы показывают, что даже минимальное объединение в сообщество по интересам дает ценностно отличительную от остальной молодежи картину. Геймеры интересуют исследователей не как любители видеоигр, а как носители особой групповой идентичности и общинных норм (по П. Бурдье – общий кодекс, минимальное согласие), что позволяет рассматривать их как мезоуровневый институциональный субъект. В игровых сообществах наблюдается угасание «традиционных» типов самоидентификации и происходит конструирование новой социальной реальности, которая формирует собственную нормативную среду, замещающую идентичности, укорененные в офлайн-структурах, что превращает их в полноценные мезоуровневые институты, способные транслировать ценностные установки, включая репродуктивные [27].

Также в логике привлечения к исследованию когорты геймеров стоят и результаты китайского исследования Я. Кви, Дж. Гао, Ю. Ду, И. Динг о взаимосвязи опыта взаимодействия с виртуальными персонажами в играх (особенно в симуляторах родительской заботы) и влияния на реальные установки человека, а именно – на желание стать родителем через теорию парасоциальных отношений и теорию привязанности. Медиационный анализ этого исследования показал, что связь между игровым опытом и реальным желанием стать родителем проходит, прежде всего, через аффективный путь, т. е. через эмоции, а не рациональные размышления [28]. Виртуальные эмоциональные связи могут выступать психологическим ресурсом, поскольку помогают смягчить влияние стрессоров реального мира (например, нестабильности, высоких рисков) и тем самым формируют отношение к родительству.

Инструментарием к исследованию стал анкетный опрос, в котором респондентам предлагалось выбрать между тезисом и подобранным к нему методом семантического дифференциала антитезисом на трех институциональных уровнях: по шкале от 1 до 5, где 1 – максимальное склонение к антитезису, а 5 – полное согласие с тезисом (таблица 1). Анонимность анкетирования гарантировалась.

Таблица 1 – Операционализация переменных факторов формирования ценностных ориентаций на многодетность**Table 1** – Operationalization of variable factors in the formation of value orientations of large families

№ п/п	Тезис = Фактор	Уровень
1	В моей будущей семье я хочу воспитывать троих и более детей – это приносит радость и смысл жизни = Семья	Микро
2	Сообщество, где молодые помогают старикам, само становится сильнее и дружнее = Многопоколенность	Мезо
3	Волонтеры, которых я знаю, помогают бесплатно благодаря этому окружение становится как одна семья = Бескорыстие	Мезо
4	Государство обязано поддерживать и развивать культурные институты (музеи, театры, библиотеки), так как культура – основа национальной идентичности = Культура	Макро
5	У друзей все общее, дружба – это равенство = Дружба	Микро
6	Система власти в моей стране работает стабильно и основана на доверии людей = Доверие к власти	Макро
7	Не существует такого понятия, как человек, сделавший себя сам, можно достигнуть своих целей только с помощью других = Помощь сообщества	Мезо
8	Каждый из нас должен приложить усилия, чтобы сделать Родину сильной = Родина	Макро
9	В сплоченной религиозной общине вера и взаимовыручка помогают людям выдержать любые испытания = Религия	Мезо
10	Если мы хотим, чтобы наша страна сохраняла лучшее и развивалась, государствообразующим народом, безусловно, должен быть мой народ = Народ	Макро
11	Я стараюсь проявлять милосердие и сострадание к окружающим – без этого моя жизнь теряет смысл = Милосердие	Микро
12	В сплоченном коллективе уважают тех, кто готов рисковать собой ради общего блага, а не тех, кто заботится только о своей выгоде и безопасности = Жертвенность	Мезо
13	Труд наполняет меня энергией и желанием жить, а без работы я быстро теряю интерес ко всему = Труд	Микро
14	Плох тот человек, который не помнит, не ценит и не знает истории нашей страны, ее героев = История	Макро
15	Либо у нас будут многодетные семьи, либо мы потеряем страну = Страна	Макро
16	Я считаю аборт морально недопустимым, так как это прекращение человеческой жизни = Жизнь	Микро

Источник: составлено авторами.

Каждый тезис вопроса отражал позицию, закреплённую в нормативно-правовых актах Российской Федерации, в т. ч. Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». В рамках данного исследования каждый фактор (тезис) операционализируется как ценностно-нормативный конструкт, поскольку респондент выражает свое личное ценностное отношение к нему через шкалу семантического дифференциала (от 1 до 5). Таким образом, факторы макро-, мезо- и микро-уровней в нашей модели являются одновременно

ценностными ориентациями, измеренными через рефлексивную оценку респондентов.

Полученные данные анализировались методами корреляционного анализа ценностей (критерий Спирмена) и дисперсионного анализа (ANOVA). Корреляционный анализ использовался для оценки силы и направления связи между ценностной ориентацией в отношении многодетности (зависимая переменная, вопрос № 1 «Семья») и каждым из 15 остальных факторов (независимые переменные), сгруппированных по институциональным уровням (микро-, мезо-, макро). Выбор непараметрического коэффициента Спирмена обусловлен порядковым характером шкалы

(от 1 до 5) и отсутствием строгого нормального распределения ответов.

Сила корреляции интерпретировалась следующим образом:

$r_s < 0,3$ – слабая связь; $0,3 \leq r_s < 0,5$ – умеренная связь; $r_s \geq 0,5$ – сильная связь. Статистическая значимость принималась при $p < 0,05$. Далее проводилось преобразование коэффициентов Спирмена через z-преобразования Фишера, что позволило статистически корректно проверить гипотезу о том, что для российской молодежи приоритетны микрофакторы, а для иностранных студентов – мезофакторы (значимость различий определялась при $p < 0,05$).

Дисперсионный анализ применялся для межгруппового сравнения (российские студенты, студенты-геймеры, иностранные студенты) и анализа внутренней вариативности средних значений по каждому фактору, что помогло установить, является ли фактор значимым, и позволило идентифицировать взаимодействие между переменными. Факторы с низкой дисперсией были признаны устоявшимися (стандартное отклонение менее 1,2 балла, что приблизительно соответствует коэффициенту вариации менее 0,4), по которым внутри группы достигнут высокий консенсус, и они слабо подвержены внешнему влиянию. Факторы с высокой дисперсией – вариативные, чувствительные, которые подвержены внешним организованным или случайным влияниям либо находятся в стадии формирования. Статистическая обработка выполнена в JAMOVI (v. 2.7).

Таким образом, сочетание корреляционного и дисперсионного методов позволило не только измерить силу связи между институциональными факторами (микро, мезо, макро) и ценностными ориентациями на многодетность, но и оценить степень их устойчивости в каждой из групп молодежи, что позволяет идентифицировать институциональные барьеры (низкая дисперсия при слабой корреляции – как индикатор инерции) и точки приложения молодежной политики (высокая дисперсия – как зона потенциального влияния).

■ РЕЗУЛЬТАТЫ

В данном разделе представлены результаты эмпирической диагностики факторов формирования ценностных ориентаций на многодетность у трех групп респондентов на макро-, мезо- и микроуровнях. Анализ включал сравнение средних оценок, корреляционный анализ связей ценностных факторов и оценку вариативности.

На рисунке 1 представлены профили средних значений по каждому из 16 факторов (нормированные относительно нулевой отметки, соответствующей середине 5-балльной шкалы). Порядковые номера нижней оси данных соответствуют нумерации тезисов в таблице 1.

Горизонтальная линия, соответствующая цифре «3» вертикальной оси, обозначает нулевую отметку. Значения, которые выше – положительные, ниже – отрицательные.

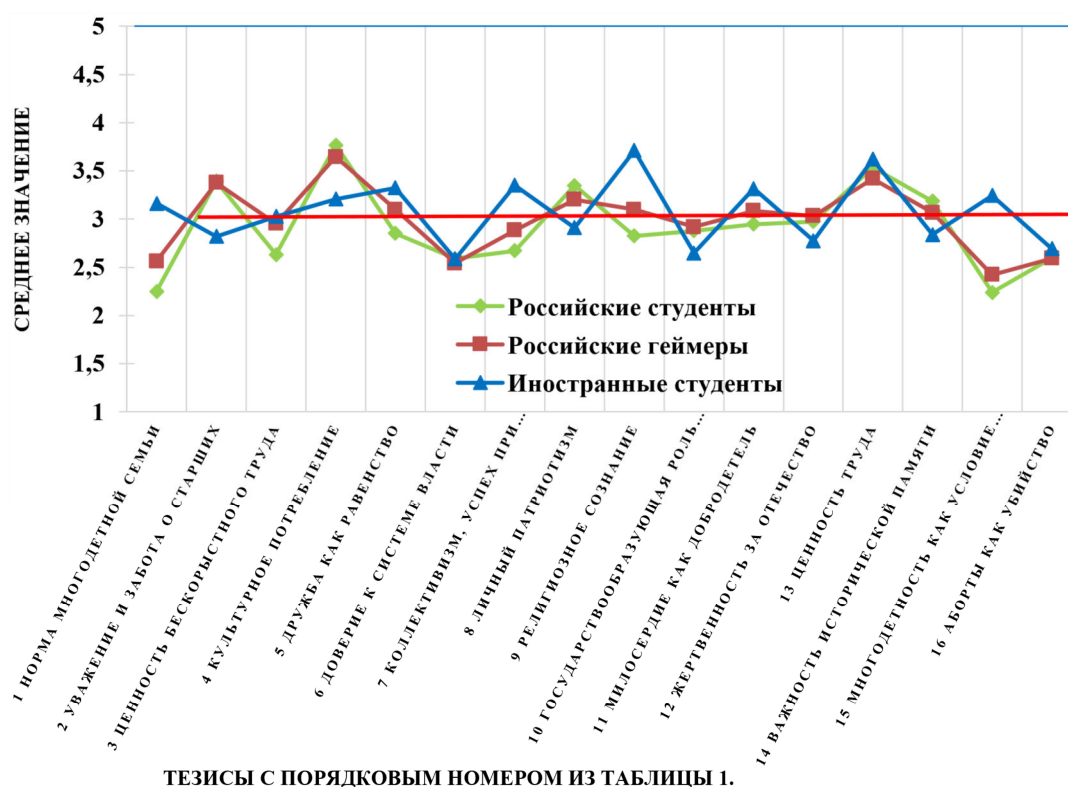
На макроуровне для российских студентов и студентов-геймеров наиболее значимыми факторами являются «Родина» (№ 8) и «Культура» (№ 4). У иностранных студентов «Культура» имеет меньшее значение, а фактор «Родина» не является значимым. При этом фактор «Страна (многодетность как условие выживания)» (№ 15) получил высокие положительные оценки во всех трех группах.

На мезоуровне у российских студентов и геймеров значимым оказался фактор «Многопоколенность» (№ 2), тогда как для иностранных студентов он не важен. Для иностранцев в приоритете фактор «Помощь сообщества» (№ 7), а наиболее выраженным является фактор «Религиозное сообщество» (№ 9), который также важен для геймеров, но имеет отрицательные значения у российских студентов. Фактор «Милосердие» (№ 11) получил положительные оценки только у иностранцев. Фактор «Жертвенность» (№ 12) у российских студентов и геймеров находится в зоне нейтральных значений (статистически не отличается от середины шкалы), тогда как у иностранцев он имеет отрицательную направленность.

На микроуровне фактор «Дружба» (№ 5) наиболее значим для иностранных студентов, менее для геймеров, а у российских студентов его значение близко к нулю. Фактор «Труд» (№ 13) важен для всех трех групп. Фактор «Семья» (№ 1) имеет наибольшие значения у иностранных студентов, тогда как российские студенты и геймеры демонстрируют более сдержанные оценки.

Для проверки гипотез о приоритетных институциональных уровнях был выполнен корреляционный анализ (коэффициент Спирмена) между зависимой переменной многодетной семьи («Семья», № 1) и остальными 15 факторами. Значимые корреляции ($|r| \geq 0,2$, $p < 0,05$) представлены в таблице 2.

Во всех трех группах наиболее сильная положительная корреляция с ценностными ориентациями в отношении многодетности наблюдается у макрофактора «Страна» (многодетность как условие выживания страны), что противоречит исходной гипотезе о приоритете микрофакторов у российских студентов, у которых микрофакторы («Дружба», «Труд», «Милосердие») не демонстрируют значимых корреляций с зависимой переменной «Семья». У геймеров, напротив, значимы мезофакторы («Помощь сообщества», «Религиозное сообщество», «Бескорыстие»). У иностранных студентов сильна связь с микрофактором «Дружба», но также присутствуют отрицательные мезофакторы («Многопоколенность», «Жертвенность»).

Рисунок 1 – Диагностика факторов формирования ценностных ориентаций в отношении многодетности**Figure 1** – Diagnostic of the factors that shape the value orientations of having many children**Таблица 2** – Корреляции ценностных ориентаций на многодетную семью с другими факторами**Table 2** – Correlations of the value orientations of a large family with other factors

Группа	Фактор (уровень)	Показатель (r)
Российские студенты	Страна (макро)	0,48
	Религиозное сообщество (мезо)	0,22
	Жизнь (микро)	0,21
	Доверие к власти (макро)	0,20
	Многопоколенность (мезо)	–0,21
Студенты-геймеры	Страна (макро)	0,46
	Помощь сообщества (мезо)	0,31
	Религиозное сообщество (мезо)	0,31
	Бескорыстие (мезо)	0,25
	Дружба (микро)	0,22
	Многопоколенность (мезо)	–0,26
	Культура (макро)	–0,24
Иностранные студенты	Страна (макро)	0,44
	Дружба (микро)	0,37
	Помощь сообщества (мезо)	0,17
	Многопоколенность (мезо)	–0,45
	Жертвенность (мезо)	–0,32
	Доверие к власти (макро)	–0,24

Источник: составлено авторами.

Для оценки системной согласованности институциональных уровней был проведен анализ полных корреляционных матриц. На рисунке 2 показано, что у российских студентов сеть связей характеризуется самым низким узловым потенциалом среди всех групп. Положительные межуровневые связи включают: «Родина» (макро) с «История» (макро) и «Культура» (макро); «Жертвенность» (мезо) с «Жизнь» (микро); «Доверие к власти» (макро) с «Жертвенность» (мезо) и с «Жизнь» (микро); «Родина» (макро) с «Жертвенность» (мезо).

Отрицательные межуровневые связи (институциональные барьеры) зафиксированы между «Семья» (микро) и «Многопоколенность» (мезо), а также между «Культура» (макро) и «Помощь сообщества» (мезо), и внутри макроуровня – между «Культура» и «Страна».

Несмотря на общую разреженность ценностной сети, положительные связи «Жизнь» – «Жертвенность» ($r = 0,30$), «Доверие к власти» – «Жертвенность» ($r = 0,30$) и «Родина» – «Жертвенность» ($r = 0,28$) позволяют говорить о некоторой компенсаторной функции фактора «Жертвенность».

Студенты РФ	Семья	Многопоколенность	Бескорыстие	Культура	Дружба	Доверие к власти	Помощь сообщества	Родина	Религия	Народ	Милосердие	Жертвенность	Труд	История	Страна	Жизнь
Семья	1															
Многопоколенность	-0,2145	1														
Бескорыстие	0,173	0,01061	1													
Культура	-0,1043	0,22689	-0,1391	1												
Дружба	0,13167	-0,049	0,1535	-0,0768	1											
Доверие к власти	0,19779	0,14239	0,04432	0,10789	-0,0227	1										
Помощь сообщества	0,10881	-0,0769	0,11981	-0,2024	0,07823	-0,0307	1									
Родина	0,04323	0,17128	-0,0634	0,2872	-0,0357	0,24533	-0,1621	1								
Религия	0,21855	-0,0371	0,1226	-0,0303	0,03113	0,2062	0,04916	0,06339	1							
Народ	0,08163	-0,0116	-0,0545	0,03063	-0,0718	0,2709	-0,1261	0,29305	0,03524	1						
Милосердие	0,14874	-0,0258	0,11918	0,0516	0,15856	-0,0371	0,12644	-0,0375	0,34316	-0,0916	1					
Жертвенность	0,13186	0,14807	0,06799	0,09756	0,06883	0,29725	-0,0175	0,27913	0,0996	0,17157	-0,0596	1				
Труд	0,08606	0,08299	0,05741	0,11858	0,16351	-0,0148	-0,1336	0,07124	0,07286	-0,0929	0,12383	0,07996	1			
История	0,02669	0,16852	-0,0237	0,21268	-0,011	0,12669	-0,0763	0,35716	0,07999	0,22807	-0,0189	0,22447	-0,0301	1		
Страна	0,48154	-0,123	0,16668	-0,1959	0,06181	0,15046	0,13539	-0,0205	0,27375	0,0486	0,08208	0,07181	0,00743	-0,0735	1	
Жизнь	0,20609	0,15885	0,13634	0,07093	0,01202	0,28734	-0,0369	0,19618	0,21844	0,08053	0,10009	0,30034	0,09869	0,13914	0,26917	1

Рисунок 2 – Корреляции ценностных ориентаций российских студентов в отношении многодетности
Figure 2 – Correlations of value orientations of Russian students regarding large families

На рисунке 3 показано, что сеть связей между ценностными ориентациями у студентов-геймеров заметно плотнее. Положительные межуровневые связи у этой группы: «Жертвенность» (мезо) – «История» (макро); «Многопоколенность» (мезо) – «История» и «Культура» (макро); «Родина» (макро) – «История», «Культура» и «Многопоколенность» (мезо); «Доверие к власти» (макро) – «Жизнь» (микро); «Родина» (макро) – «Жертвенность» (мезо); «Семья» (микро) – «Религиозное сообщество» и «Помощь сообщества» (мезо); «Страна» (макро) – «Помощь сообщества» (мезо). Отрицательные связи немногочисленны и преимущественно межуровневые: «Семья» (микро) – «Многопоколенность» (мезо);

«Культура» (макро) – «Помощь сообщества» (мезо) и «Семья» (микро); «Помощь сообщества» (мезо) – «Родина» (макро).

На рисунке 4 показано, что у иностранных студентов сеть связей наиболее насыщена и включает множество положительных межуровневых ценностных связей, например: «Многопоколенность» (мезо) – «Культура» и «История» (макро); «Многопоколенность» (мезо) – «Дружба» (микро); «Религиозное сообщество» (мезо) – «Труд» и «Дружба» (микро); «Родина» (макро) – «Жизнь» (микро); «Народ» и «Родина» (макро) – «Жертвенность» и «Многопоколенность» (мезо); «Страна» (макро) – «Религиозное сообщество» (мезо) и др.

Российские геймеры	Семья	Многопоколенность	Бескорыстие	Культура	Дружба	Доверие к власти	Помощь сообщества	Родина	Религия	Народ	Милосердие	Жертвенность	Труд	История	Страна	Жизнь
Семья	1															
Многопоколенность	-0,2571	1														
Бескорыстие	0,25269	-0,1156	1													
Культура	-0,2372	0,29241	-0,182	1												
Дружба	0,21823	-0,0539	0,13126	-0,0758	1											
Доверие к власти	0,07789	0,13878	-0,0199	0,10525	-0,0667	1										
Помощь сообщества	0,30969	-0,2029	0,20422	-0,3006	0,1481	-0,0584	1									
Родина	-0,1265	0,34551	-0,1486	0,31366	-0,0664	0,17526	-0,2284	1								
Религия	0,31468	0,00788	0,10428	-0,0124	0,14698	0,13767	0,12334	0,01628	1							
Народ	0,02741	0,19894	-0,1655	0,14562	0,033	0,13116	-0,0935	0,27208	0,03837	1						
Милосердие	0,10305	0,08887	0,14346	0,06746	0,15971	0,03056	0,07562	-0,037	0,21383	-0,0922	1					
Жертвенность	0,01154	0,22518	0,01146	0,17505	-0,0175	0,2625	-0,1052	0,31609	0,06736	0,12756	0,07431	1				
Труд	0,12676	0,11024	0,08521	0,05479	0,08244	0,03926	-0,0665	0,13875	0,17456	0,02769	0,18684	0,08463	1			
История	-0,1259	0,36448	-0,0016	0,3064	-0,0472	0,15959	-0,1968	0,36013	-0,02	0,21911	-0,0285	0,38291	0,05628	1		
Страна	0,46005	-0,1745	0,20499	-0,3234	0,12562	0,10281	0,30017	-0,1269	0,21886	-0,0315	0,02651	-0,0205	0,03382	-0,1489	1	
Жизнь	0,11654	0,13223	0,03078	0,01343	-0,0472	0,33544	-0,0853	0,20558	0,14833	0,09242	0,01334	0,24684	0,04906	0,17675	0,15994	1

Рисунок 3 – Корреляции ценностных ориентаций студентов-геймеров в отношении многодетности
Figure 3 – Correlations of value orientations of student gamers regarding large families

Студенты-иностранцы	Семья	Многопоколенность	Бескорыстие	Культура	Дружба	Доверие к власти	Помощь сообщества	Родина	Религия	Народ	Милосердие	Жертвенность	Труд	История	Страна	Жизнь
Семья	1															
Многопоколенность	-0,4619	1														
Бескорыстие	0,20151	-0,1819	1													
Культура	-0,2691	0,5381	-0,2749	1												
Дружба	0,40239	-0,3513	0,42727	-0,2174	1											
Доверие к власти	-0,3217	0,27001	-0,0988	0,19363	-0,3089	1										
Помощь сообщества	0,16321	-0,1829	0,23496	-0,1188	0,22085	-0,2661	1									
Родина	-0,364	0,35541	-0,2622	0,20663	-0,235	0,30819	-0,2868	1								
Религия	0,15094	-0,1123	0,28341	-0,1108	0,43764	-0,412	0,30187	-0,245	1							
Народ	-0,4286	0,32644	-0,1298	0,21195	-0,3345	0,50498	-0,2985	0,31157	-0,3974	1						
Милосердие	0,18522	-0,1192	0,18822	-0,0749	0,35067	-0,2638	0,27424	-0,3269	0,5325	-0,3731	1					
Жертвенность	-0,3873	0,16982	-0,1499	0,10213	-0,3688	0,39165	-0,258	0,31992	-0,3692	0,39773	-0,292	1				
Труд	0,05746	0,00248	0,12045	-0,0235	0,20603	-0,214	0,19226	-0,0772	0,49507	-0,2801	0,45684	-0,2335	1			
История	-0,2421	0,40867	-0,0922	0,23169	-0,3981	0,26046	-0,1174	0,24587	-0,323	0,37051	-0,3787	0,28754	-0,4097	1		
Страна	0,39647	-0,4092	0,18802	-0,2848	0,2669	-0,1136	0,26237	-0,2962	0,28142	-0,3709	0,19197	-0,5314	0,26624	-0,3798	1	
Жизнь	-0,4516	0,44526	-0,3053	0,38505	-0,3722	0,27498	-0,1006	0,44639	-0,2032	0,36572	-0,2576	0,39983	-0,1356	0,3757	-0,459	1

Рисунок 4 – Корреляции ценностных ориентаций иностранных студентов в отношении многодетности
Figure 4 – Correlations of value orientations among international students regarding large families

Отрицательные ценностные связи у иностранных студентов также многочисленны и отражают конфликт ценностей: «Страна» (макро) отрицательно связана с «Жертвенность» (мезо), «Многопоколенность» (мезо) и «Жизнь» (микро); «Доверие к власти» (макро) – с «Религиозное сообщество» (мезо); «Народ» (макро) – с «Религиозное сообщество» (мезо) и «Милосердие» (микро); «Жертвенность» (мезо) и «Многопоколенность» (мезо) отрицательно связаны с фактором «Дружба» (микро); «Родина» (макро) – с «Милосердие» (мезо); «Религиозное сообщество» (мезо) – с «История» (макро); «Бескорыстие» (мезо) – с «Жизнь» (микро). При этом положительная связь макрофактора «Страна» с ценностью многодетной семьи («Семья») у иностранных студентов, в отличие от российских респондентов, не сопровождается значимыми корреляциями с мезофакторами («Помощь сообщества», «Религиозное сообщество»). Это указывает на прямой, минуя мезоуровень, канал

трансляции макронаратива, когда идея выживания общества через рождаемость усваивается респондентами как личная ценностная установка без опоры на горизонтальные сети. Подобный механизм можно интерпретировать как институциональный эффект «социального лифта» макроидеологии, который у иностранных студентов, оказавшихся в новой культурной среде и лишенных устойчивых локальных сообществ, становится доминирующим способом ценностного ориентирования. Это подтверждает тезис о том, что в условиях институциональной неопределенности макростимулы могут напрямую замыкаться на микроуровень, выполняя компенсаторную функцию по отношению к ослабленным мезосвязям.

На основе величины стандартного отклонения ($\sigma < 1,2$ – низкая дисперсия, устоявшиеся факторы; $\sigma \geq 1,2$ – высокая дисперсия, вариативные факторы) были выделены устоявшиеся факторы и наиболее подверженные внешним влияниям, которые представлены в таблице 3.

Таблица 3 – Устоявшиеся и вариативные факторы по группам респондентов

Table 3 – Established and variable factors by respondent groups

Группа	Устоявшиеся факторы (с низкой дисперсией)	Вариативные факторы (с высокой дисперсией)
Российские студенты	Дружба (микро), Помощь сообщества (мезо) История (макро) Культура (макро)	Родина (макро) Бескорыстие (мезо) Религиозное сообщество (мезо) Семья (микро)
Студенты-геймеры	Доверие к власти (макро) Жертвенность (мезо) Многопоколенность (мезо) Жизнь (микро)	Страна (макро) Народ (макро) Бескорыстие (мезо) Семья (микро)
Иностранные студенты	Труд (микро) Дружба (микро) Религиозное сообщество (мезо)	Родина (макро) Культура (макро) История (макро) Бескорыстие (мезо) Семья (микро)

Источник: составлено авторами.

Факторы высокой дисперсии представляют собой зоны потенциального влияния молодежной политики: именно по ним возможна целенаправленная корректировка установок. Факторы с низкой дисперсией отражают ценностный консенсус и являются инерционными (требуют долгосрочных стратегий). Обращает на себя внимание, что у иностранных студентов отсутствуют устойчивые макрофакторы, что говорит о высокой чувствительности их макроустановок к внешним воздействиям (в том числе к условиям пребывания в России), тогда как у российских студентов и геймеров макрофакторы «История» и «Культура» (или «Доверие к власти») стабильные.

■ ОБСУЖДЕНИЕ

Полученные нами данные показывают, что у российских студентов микрофакторы (индивидуалистские по своему происхождению) не коррелируют с фактором «Семья», что перекликается с недавними эмпирическими результатами российских социологов, что у современной студенческой молодежи декларируемые семейные ценности часто не переходят в конкретные репродуктивные намерения, а сопровождаются установками на личную свободу и карьеру [8]. Таким образом, в применении к нашей выборке, концепция второго демографического перехода требует существенной контекстуализации, т. к. ее объяснительная сила ограничена институциональной

спецификой современной России и не охватывает прямое влияние макронарративов, выявленное в нашем исследовании.

Результаты нашего исследования показывают, что у российских студентов горизонтальные социальные сети («Помощь сообщества», «Бескорыстие») не связаны с репродуктивными установками, за исключением группы студентов-геймеров, где мезоуровень активен. Таким образом, можно говорить о низком воздействии социального капитала в обычной студенческой среде, что противоречит модели социального капитала Д. Роуза и Дж. Гуаньяно.

Напомним, что теория рационального выбора Г. Беккера объясняет снижение рождаемости экономической целесообразностью, однако наиболее сильная корреляция в нашем исследовании получена не с экономическими, а с идеологическим фактором («Страна»). Этот результат перекликается с выводами Дж. Майда и А. Витали, что даже в условиях наличия «семейно-дружественных» рабочих мест, репродуктивные намерения женщин в большей степени зависят скорее от институционального климата и ценностного контекста, чем от формальных мер поддержки макроуровня, т. е. экономическая рациональность не является доминирующим фактором принятия решений о деторождении [29].

Полученные результаты исследования опровергают первую часть основной гипотезы о приоритете микрофакторов у российских студентов («Дружба», «Труд», «Милосердие»), поскольку они не показали значимой корреляции с прямой ценностной ориентацией на многодетную семью («Семья»). Наиболее сильная положительная связь «Семьи» обнаружена с макрофактором «Страна», что подтверждает вторую часть основной гипотезы: макростимулы влияют на микроуровень напрямую, минуя мезоуровень. Результат не соответствует классической иерархической модели Д. Норта и заставляет вспомнить критику, выдвинутую в модели исторического институционализма Д. Капоччи и Р. Д. Келемена о том, что в условиях кризисного восприятия (угроза выживания страны) макронарратив может «замыкаться» на индивидуальные установки, минуя посредников.

Данный вывод согласуется с институциональным анализом О. Д. Натсак, которая отмечает, что меры демографической политики в России часто ориентированы через прямое воздействие на микроуровень (материнский капитал, пособия), тогда как институциональные механизмы мезоуровня – сообщества, общественные организации, локальные нормы и пр. – остаются недостаточно задействованы, что может создавать эффект «институционального провисания», когда макростимулы не находят опоры в горизонтальных сетях [30].

Дополнительная гипотеза о том, что у иностранных студентов ключевое значение для

формирования ценностных ориентаций, связанных с многодетностью, приобретают мезофакторы, не подтвердилась. Мезофакторы «Многопоколенность» и «Жертвенность» демонстрируют отрицательные корреляции с ориентацией на большую семью. Таким образом, у иностранных студентов мезоуровень скорее препятствует репродуктивным установкам, что может отражать культурный конфликт между нормами сообщества и личными установками в новой для них российской социальной среде. Этот результат согласуется с выводами Д. Джулио о том, что различные компоненты социального капитала имеют разный вес в зависимости от культурного и институционального контекста. Также и в исследовании А. Аасве, П. Концо, Ф. Луппи, Л. Менкарини на данных по европейским регионам подтверждается, что генерализованная мораль (доверие и нормы взаимности) положительно влияет на рождаемость, но только в тех институциональных контекстах, где она подкреплена реальной социальной практикой поддержки [31]. В российском контексте, где, по нашим данным, мезоуровневые механизмы ослаблены, этот эффект не проявляется и для выходцев из развивающихся стран этнические и религиозные общины, вероятно, воспринимаются как фактор давления, а не поддержки.

Группа студентов-геймеров, выделенная дополнительной гипотезой как носитель мезоуровневой идентичности, подтвердила, что мезофакторы («Помощь сообщества», «Религиозное сообщество», «Бескорыстие») для них значимо положительно коррелируют с прямой ориентацией на большую семью. Это говорит о том, что даже в онлайн-среде минимальное объединение по интересам способно активировать трансляцию макроценностей через горизонтальные мезоуровневые сети на микроуровень.

У российских студентов, в отсутствие развитого сообщества и низкого социального капитала (слабые мезосвязи), ценность самопожертвования ради общего блага выступает компенсаторным механизмом, соединяющим макроинституты («Доверие к власти», «Родина») с личными установками («Жизнь»). Однако его компенсаторный характер не тождественен полноценному социальному капиталу, поскольку не создает устойчивых социальных практик и не формирует долгосрочной доверительной среды, а лишь транслирует макронарратив на индивидуальный уровень. Это приводит к институциональному парадоксу: в ценностной структуре российских студентов высокая ориентация на жертвенность коррелирует со снижением значимости горизонтальных сообществ, что указывает на функциональное замещение – макронарратив, усвоенный через ценность жертвенности, выполняет роль социального интегратора, заменяя отсутствующие мезоуровневые механизмы. Этот компенсаторный механизм

не описан в классических работах по социальному капиталу и требует дальнейшего теоретического осмысления.

У исследования присутствуют некоторые выборочные ограничения. Исследование проведено на выборке из студенческой молодежи Санкт-Петербурга, что ограничивает экстраполяцию результатов на всю российскую молодежь, включая тех, кто проживает в малых городах, сельской местности и других регионах. Иностранные студенты представляют только развивающиеся страны (Йемен, Индия, Пакистан, Вьетнам, Малайзия), что не позволяет делать выводы об иностранцах из Европы или других регионов мира.

Сравнительный анализ с зарубежными исследованиями выявляет схожие результаты, а именно: отсутствие устойчивых партнерских отношений и низкий уровень социальной поддержки становятся ключевыми барьерами для формирования репродуктивных намерений [32; 8; 10; 13; 14; 20; 23], что в целом указывает на необходимость межстрановых сравнительных исследований для выявления универсальных и культурно-специфичных механизмов.

Корреляции показывают связь, но не доказывают причинно-следственных отношений между макро- и микрофакторами. Например, положительная связь «Страна» – «Семья» может быть следствием как влияния макронарратива на репродуктивные установки, так и обратного эффекта, когда люди, планирующие многодетность, становятся более чувствительными к демографической риторике. Также социально одобряемые ответы могли повлиять на оценки респондентов, особенно по факторам «Родина» (макро), «Жертвенность» (мезо), «Жизнь» (микро). Анонимность анкетирования частично снижает этот эффект, но не устраняет полностью.

Выделение когорты студентов-геймеров основано на самоидентификации, а не на объективных критериях (частота и характер игр, вовлеченность в сообщества), что также, в некотором смысле, могло привести к неоднородности внутри группы.

На основе выявленных факторов высокой дисперсии (зон потенциального влияния) и институциональных барьеров предлагаются следующие практические меры. Поскольку у фактора «Страна» (высокая дисперсия) сильная связь с фактором «Семья», предлагается усиление позитивной демографической повестки через связь «многодетность как служение стране», с конкретным практическим воплощением через волонтерские проекты для многодетных семей, с государственным признанием. Фактор «Бескорыстие» обладает высокой дисперсией у всех групп и здесь можно предложить развитие программ наставничества, волонтерства и взаимопомощи в студенческих сообществах (тьюторство или совместная забота студенческой молодежи о детях).

На фактор «Религиозное сообщество» (высокая дисперсия у россиян, устоявшийся у иностранцев) может повлиять сотрудничество с традиционными конфессиями в формате семейных клубов, не требующих религиозной идентификации (например, этические беседы о родительстве). Работа с фактором «Семья» может идти через индивидуальную личностную ценностную систему, через рефлексию и преодоление страхов, но не на большую аудиторию, а в малых группах горизонтальных сообществ.

Отдельного внимания заслуживает выявленный ценностный барьер «Семья» – «Многопоколенность» (отрицательная связь), что дает повод для перенаправления усилий на трансформацию образа заботы о старших через совместные мероприятия, показывая, что помощь пожилым не конкурирует с рождением детей, а является частью расширенной семьи «дети – взрослые – пожилые». Барьер «Культура» – «Помощь сообщества» предлагается преодолевать через включение культурной программы в горизонтальные форматы (например, семейные фестивали). Устоявшиеся макрофакторы с низкой дисперсией «История», «Культура», «Доверие к власти» дают возможность использовать себя как каналы трансляции посредством включения в официальные нарративы (например, многодетные семьи в историческом и культурном контексте).

Выделяется необходимость кластерного подхода и адресной семейной и молодежной политики. Для российских студентов, где слабый мезоуровень и компенсаторная роль жертвенности, необходимо укрепление горизонтальных связей через совместные спортивные или творческие проекты. Для студентов-геймеров лучше использовать уже существующие онлайн-сообщества как площадку для демографического просвещения, без навязывания нарративов (например, через игровые сценарии). Для иностранных студентов, с учетом конфликта мезоуровня с микроуровнем, необходимо поддерживать микросвязи («Дружба» – «Труд») через общины.

Исходя из выводов и ограничений исследования, формулируются следующие приоритетные направления для дальнейшей работы.

Лонгитюдные и репрезентативные исследования. Необходимо отследить изменение ценностных корреляций многодетности при переходе от студенческого статуса к первому деторождению (в том числе проверить сохранение компенсаторной роли жертвенности в период реального родительства), а также провести репрезентативные исследования по регионам России, включив молодежь малых городов, сельских территорий и разных федеральных округов.

Экспериментальные и качественные проекты. Целесообразно сформировать на базе университета группы взаимопомощи (по типу сообществ)

и измерить изменения корреляций между мезо-факторами и ценностью многодетности у этой группы через год. Кроме того, требуется качественное исследование (глубинные интервью) для понимания конкретных сценариев, в которых российские студенты готовы жертвовать собой, и как это связано с репродуктивными установками.

Сравнительные и межстрановые исследования. Стоит провести сравнительную диагностику иностранных студентов из разных регионов мира (не только развивающихся стран, но и Европы, Восточной Азии), а также проанализировать реальное репродуктивное поведение через повторный опрос о намерении родить детей в ближайшие годы.

Моделирование и теоретическое развитие. Посредством сетевого моделирования выявить типы макростимулов, наиболее эффективно действующих в обход мезоуровня. Дополнительно требуется детализация самого мезоуровня: выделение его

подуровней по территориально-административному, организационно-экономическому, культурно-религиозному, сетевому, инфраструктурному и коммуникативному принципам, потому что именно на мезоуровне происходит «битва за ценности», и его подуровни требуют отдельного исследования.

В результате исследования произошло столкновение с институциональным парадоксом: на макроуровне многодетность объявлена приоритетом, теоретически ключевая роль отводится мезоуровню, однако основная масса студентов демонстрирует прямую связь с макронарративом «выживания страны», фактически минуя уровень сообществ. Вместо горизонтальной взаимопомощи у них срывает компенсаторный механизм жертвенности. Получается, что декларации и реальные ценностные ориентации расходятся, что ставит перед демографической политикой непростые вопросы, а также задает вектор для будущих исследований.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Bhattacharjee N. V. et al. Global fertility in 204 countries and territories, 1950–2021, with forecasts to 2100: a comprehensive demographic analysis for the Global Burden of Disease Study 2021 // *The Lancet*. 2024. Vol. 403, № 10440. P. 2057–2099. DOI 10.1016/S0140-6736(24)00550-6. EDN BQZVDL.
2. Kreyenfeld M., Konietzka D. (Eds.). *Childlessness in Europe: Contexts, Causes, and Consequences*. Dordrecht: Springer, 2017. 370 p. DOI 10.1007/978-3-319-44667-7.
3. Merz E. M., Liefbroer A. C. The Attitude Toward Voluntary Childlessness in Europe: Cultural and Institutional Explanations // *Journal of Marriage and Family*. 2012. Vol. 74, № 3. P. 587–600. DOI 10.1111/j.1741-3737.2012.00972.x.
4. Lin Y., Zhang B., Hu M., Yao Q., Jiang M., Zhu C. The effect of gradually lifting the two-child policy on demographic changes in China // *Health Policy and Planning*. 2024. Vol. 39, Iss. 4. P. 363–371. DOI 10.1093/heapol/czae008. EDN PGAUAJ.
5. Zhu C., Yan L., Wang Y., Ji S., Zhang Y., Zhang J. Fertility Intention and Related Factors for Having a Second or Third Child Among Childbearing Couples in Shanghai, China // *Frontiers in Public Health*. 2022. Vol. 10. Art. 879672. DOI 10.3389/fpubh.2022.879672. EDN PGLYPG.
6. Frejka T., Jones G. W., Sardón J.-P. East Asian Childbearing Patterns and Policy Developments // *Population and Development Review*. 2010. Vol. 36, № 3. P. 579–606. DOI 10.1111/j.1728-4457.2010.00347.x.
7. Jiang H., Huang Y. How do urban public health services affect rural migrant women's fertility intentions? A study based on the Mobile Population Dynamics Monitoring Survey in China // *BMC Health Services Research*. 2023. Vol. 23, № 1. Art. 219. DOI 10.1186/s12913-023-09219-8.
8. Александрова О. А. Инфантильные или ответственные: студенческая молодежь о новых тенденциях в брачно-семейной и репродуктивной сферах // *Народонаселение*. 2024. Т. 27, № S1. С. 107–119. DOI 10.24412/1561-7785-2024-S1-107-119. EDN YXWVNE.
9. Вяльшина А. А. Отношение студентов к детям и родительству: гендерные и сельско-городские сопоставления // *Народонаселение*. 2024. Т. 27, № S1. С. 132–146. DOI 10.24412/1561-7785-2024-S1-132-146. EDN BHHCXW.
10. Ростовская Т. К., Рычихина Н. С. Репродуктивные установки российского студенчества: региональный аспект // *Проблемы развития территории*. 2024. Т. 28, № 1. С. 98–114. DOI 10.15838/ptd.2024.1.129.7. EDN PBVQXT.
11. Zakharov S. V. Three Decades on Russia's Path of the Second Demographic Transition: How Patterns of Fertility are Changing Under an Unstable Demographic Policy // *Comparative Population Studies*. 2024. Vol. 49. P. 25–54. DOI 10.12765/CPoS-2024-02. EDN HLNBNKW.
12. Ионцев В. А., Узкая Ю. А. Евразийский путь демографического развития в России как вызов глобально-либеральной модели демографического перехода // *Уровень жизни населения регионов России*. 2024. Т. 20, № 4. С. 597–611. DOI 10.52180/1999-9836_2024_20_4_9_597_611. EDN KPBLSG.
13. Лоскутова И. М., Синяев М. В., Тарченко В. С., Казарян М. Ю., Лукьянов В. В. Репродуктивные установки российских студентов в преддверии глобального демографического кризиса // *Society and Security Insights*. 2025. Т. 8, № 3. С. 84–98. DOI 10.14258/SSI(2025)3-04. EDN CMHOFO.
14. Багирова А. П., Соколова Е. Ю. Представления о корпоративной демографической политике

- и репродуктивные ориентации студенческой молодежи: поиск взаимосвязи // Наука. Культура. Общество. 2025. Т. 31, № 3. С. 110–125. DOI 10.19181/nko.2025.31.3.8. EDN NYZKYI.
15. Алиев Д. Ф., Гонтмахер Е. Ш., Трубин В. В. Социальная поддержка семьи, материнства и детства: Россия и мировой опыт // Уровень жизни населения регионов России. 2024. Т. 20, № 3. С. 322–338. DOI 10.52180/1999-9836_2024_20_3_1_322_338. EDN LIBWTF.
 16. Powell W. W., DiMaggio P. J. The Iron Cage Redux: Looking Back and Forward // Organization Theory. 2023. Vol. 4, Iss. 4. P. 1–24. DOI 10.1177/26317877231221550. EDN SGNGCS.
 17. Ménard C., Martino G. Unbundling institutions: the case for meso-institutions // Journal of Institutional Economics. 2025. Vol. 21. Art. e31. DOI 10.1017/S1744137425100192. EDN PQTTYG.
 18. Кирдина С. Г. Методологический институционализм и мезоуровень социального анализа // Социологические исследования. 2015. № 12 (380). С. 51–59. EDN VGMFPZ.
 19. Рогозин Д. М. Перспективы развития теории социального капитала // Экономическая социология. 2023. Т. 24, № 4. С. 12–37. DOI 10.17323/1726-3247-2023-4-12-37. EDN VKEIYD.
 20. De Rose A., Guagnano G. Having Children in Europe: The Role of Social Capital // Review of European Studies. 2023. Vol. 15, № 1. P. 24–41. DOI 10.5539/res.v15n1p24. EDN XYGWKN.
 21. Kwag H., Baek S., Kang M. Impact of social trust on young adults' childbearing intention: why does South Korea show ultra-low fertility? // International Journal of Urban Sciences. 2024. Vol. 28, № 4. P. 585–610. DOI 10.1080/12265934.2024.2320905.
 22. Zhao J., Zou Z., Chen J., Chen Y., Lin W., Pei X., Li E., Dong Y., Chen X. Offline social capital, online social capital, and fertility intentions: evidence from China // Humanities and Social Sciences Communications. 2024. Vol. 11, № 1. P. 1131. DOI 10.1057/s41599-024-03643-9. EDN GENRHC.
 23. Artamonova A., Berg V., Sorsa T., Hägglund A. E., Rotkirch A. Social Resources are Associated With Higher Fertility Intentions in Contemporary Finland // Comparative Population Studies. 2024. Vol. 49. DOI 10.12765/CPoS-2024-04. EDN KKVKIR.
 24. Day C. A New Era in the Not So New Economics of Fertility and Women's Time: An Introduction // Australian Economic Review. 2024. Vol. 57, Iss. 1. P. 114–124. DOI 10.1111/1467-8462.12544. EDN YVBGLC.
 25. Гарипова Р. Р., Кузнецов В. О. Репродуктивные установки и семейные ценности современной студенческой молодежи (на материалах авторского социологического исследования) // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2024. № 2 (65). С. 31–37. DOI 10.26907/2079-5912.2024.2.31-37. EDN EROCBX.
 26. Barzachka N. S. The case of Brexit: How to open a critical juncture without an exogenous shock? // British Journal of Politics & International Relations. 2024. Vol. 26, № 4. P. 1299–1321. DOI 10.1177/13691481241227834. EDN LTUVQJ.
 27. Иванов А. В., Козлов В. Е., Гузейров Р. А. «Культурный код» виртуальной личности: социальная безопасность в цифровую эпоху // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2025. Т. 29, № 2. С. 363–380. DOI 10.22363/2313-2302-2025-29-2-363-380. EDN RJYAAY.
 28. Qi Yu., Jie G., Yun Du., Zhuo D. Yi. From virtual attachments to real-world fertility desires: emotional pathways in game character attachment and parasocial relationships // Frontiers in Psychology. 2026. Vol. 17. Art. 1743080. DOI 10.3389/fpsyg.2026.1743080. EDN YMOCCO.
 29. Juni, M., Vitali A. Family-friendly workplaces and fertility intentions // Genus. 2025. Vol. 81, № 1. DOI 10.1186/s41118-025-00261-4. EDN ECNQSV.
 30. Натсак О. Д. Институциональные основы политики по достижению макродемографических целей: подходы к решению проблемы низкой рождаемости // Факторы и механизмы демографического развития: сборник научных статей. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2025. С. 543–556. DOI 10.17059/udf-2025-3-8. EDN GZCYWZ.
 31. Aassve A., Conzo P., Luppi F., Mencarini L. Generalised morality and contemporary fertility dynamics across European regions // Regional Studies. 2025. Vol. 59, № 1. P. 1–12. DOI 10.1080/00343404.2024.2361126.
 32. Shin H., Lee A., Choi S., Jo M. Childbearing intentions and influencing factors among single young adults in South Korea: a cross-sectional study // Child Health Nursing Research. 2025. Vol. 31, № 1. P. 15–27. DOI 10.4094/chnr.2024.025. EDN UJNQDE.

REFERENCES

1. Bhattacharjee, N. V. et al. (2024) Global fertility in 204 countries and territories, 1950–2021, with forecasts to 2100: a comprehensive demographic analysis for the Global Burden of Disease Study 2021. *The Lancet*, 403 (10440), pp. 2057–2099. [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(24\)00550-6](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(24)00550-6). <https://elibrary.ru/bqzvd1>.
2. Kreyenfeld, M., Konietzka, D. (Eds.) (2017) *Childlessness in Europe: Contexts, Causes, and Consequences*. Dordrecht, 370 p. <https://doi.org/10.1007/978-3-319-44667-7>.

3. Merz, E. M., Liefbroer, A. C. (2012) The Attitude Toward Voluntary Childlessness in Europe: Cultural and Institutional Explanations. *Journal of Marriage and Family*, 74 (3), pp. 587–600. <https://doi.org/10.1111/j.1741-3737.2012.00972.x>.
4. Lin, Y., Zhang, B., Hu, M., Yao, Q., Jiang, M., Zhu, C. (2024) The effect of gradually lifting the two-child policy on demographic changes in China. *Health Policy and Planning*, 39 (4), pp. 363–371. <https://doi.org/10.1093/heapol/czae008>. <https://elibrary.ru/pgauaj>.
5. Zhu, C., Yan, L., Wang, Y., Ji, S., Zhang, Y., Zhang, J. (2022) Fertility Intention and Related Factors for Having a Second or Third Child Among Childbearing Couples in Shanghai, China. *Frontiers in Public Health*, 10, article 879672. <https://doi.org/10.3389/fpubh.2022.879672>. <https://elibrary.ru/pglypg>.
6. Frejka, T., Jones, G. W., Sardon, J.-P. (2010) East Asian Childbearing Patterns and Policy Developments. *Population and Development Review*, 36 (3), pp. 579–606. <https://doi.org/10.1111/j.1728-4457.2010.00347.x>.
7. Jiang, H., Huang, Y. (2023) How do urban public health services affect rural migrant women's fertility intentions? A study based on the Mobile Population Dynamics Monitoring Survey in China. *BMC Health Services Research*, 23, article 219. <https://doi.org/10.1186/s12913-023-09219-8>.
8. Aleksandrova, O. A. (2024) Infantile or responsible: student youth on new trends in marriage, family and reproductive spheres. *Narodonaselenie [Population]*, 27 (S1), pp. 107–119. <https://doi.org/10.24412/1561-7785-2024-S1-107>. <https://elibrary.ru/yxwvne>.
9. Vyalshina, A. A. (2024) Students' attitude to children and parenthood: gender and rural-urban comparisons. *Narodonaselenie [Population]*, 27 (S1), pp. 132–146. <https://doi.org/10.24412/1561-7785-2024-S1-132>. <https://elibrary.ru/bhhcxw>.
10. Rostovskaya, T. K., Rychikhina, N. S. (2024) Reproductive attitudes of the Russian students: Regional aspect. *Problems of Territory's Development*, 28 (1), pp. 98–114. <https://doi.org/10.15838/ptd.2024.1.129.7>. <https://elibrary.ru/pbvqxt>.
11. Zakharov, S. V. (2024) Three Decades on Russia's Path of the Second Demographic Transition: How Patterns of Fertility are Changing Under an Unstable Demographic Policy. *Comparative Population Studies*, 49. <https://doi.org/10.12765/CPoS-2024-02>. <https://elibrary.ru/hlnbkw>.
12. Iontsev, V. A., Uzkaya, Yu. A. (2024) The Eurasian Path of Demographic Development in Russia as a Challenge to the Global Liberal Model of Demographic Transition. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*, 20 (4), pp. 597–611. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_4_9_597_611. <https://elibrary.ru/kpblsg>.
13. Loskutova, I. M., Sinyaev, M. V., Tarchenko, V. S., Kazaryan, M. Yu., Lukyanov, V. V. (2025) Reproductive attitudes of Russian students on the threshold of the global demographic crisis. *Society and Security Insights*, 8 (3), pp. 84–98. [https://doi.org/10.14258/SSI\(2025\)3-04](https://doi.org/10.14258/SSI(2025)3-04). <https://elibrary.ru/cmhofo>.
14. Bagirova, A. P., Sokolova, E. Yu. (2025) Perceptions of corporate demographic policy and reproductive orientations of student youth: the search for a relationship. *Science. Culture. Society*, 31 (3), pp. 110–125. <https://doi.org/10.19181/nko.2025.31.3.8>. <https://elibrary.ru/nyzkyi>.
15. Aliev, D. F., Gontmakher, E. Sh., Trubin, V. V. (2024) Social Support for Family, Motherhood and Childhood: Russia and the World Experience. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*, 20 (3), pp. 322–338. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_3_1_322_338. <https://elibrary.ru/libwtf>.
16. Powell, W. W., DiMaggio, P. J. (2023) The Iron Cage Redux: Looking Back and Forward. *Organization Theory*, 4 (4), pp. 1–24. <https://doi.org/10.1177/26317877231221550>. <https://elibrary.ru/sngngs>.
17. Ménard, C., Martino, G. (2025) Unbundling institutions: the case for meso-institutions. *Journal of Institutional Economics*, 21, article e31. <https://doi.org/10.1017/S1744137425100192>. <https://elibrary.ru/pqttyg>.
18. Kirdina, S. G. (2015) Methodological institutionalism and the meso-level of social analysis. *Sotsiologicheskie Issledovaniia*, (12), pp. 51–59. <https://elibrary.ru/vgmfpz>.
19. Rogozin, D. M. (2023) Social capital: prospects for theory development. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, 24 (4), pp. 12–37. <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2023-4-12-37>. <https://elibrary.ru/vkeiyd>.
20. De Rose, A., Guagnano, G. (2023) Having Children in Europe: The Role of Social Capital. *Review of European Studies*, 15 (1), pp. 24–41. <https://doi.org/10.5539/res.v15n1p24>. <https://elibrary.ru/xygwkn>.
21. Kwag, H., Baek, S., Kang, M. (2024) Impact of social trust on young adults' childbearing intention: why does South Korea show ultra-low fertility? *International Journal of Urban Sciences*, 28 (4), pp. 585–610. <https://doi.org/10.1080/12265934.2024.2320905>.
22. Zhao, J., Zou, Z., Chen, J., Chen, Y., Lin, W., Pei, X., Li, E., Dong, Y., Chen, X. (2024) Offline social capital, online social capital, and fertility intentions: evidence from China. *Humanities and Social Sciences Communications*, 11 (1), pp. 1131.

- <https://doi.org/10.1057/s41599-024-03643-9>.
<https://elibrary.ru/genrhc>.
23. Artamonova, A., Berg, V., Sorsa, T., Hägglund, A. E., Rotkirch, A. (2024) Social Resources are Associated With Higher Fertility Intentions in Contemporary Finland. *Comparative Population Studies*, 49. <https://doi.org/10.12765/CPoS-2024-04>. <https://elibrary.ru/kkvkir>.
24. Day, C. (2024) A New Era in the Not So New Economics of Fertility and Women's Time: An Introduction. *Australian Economic Review*, 57 (1), pp. 114–124. <https://doi.org/10.1111/1467-8462.12544>. <https://elibrary.ru/yvbglc>.
25. Garipova, R. R., Kuznetsov, V. O. (2024) Reproductive attitudes and family values of modern student youth (based on the author's sociological research). *The Kazan Socially-Humanitarian Bulletin*, (2), pp. 31–37. <https://doi.org/10.26907/2079-5912.2024.2.31-37>. <https://elibrary.ru/erocxb>.
26. Barzachka, N. S. (2024) The case of Brexit: How to open a critical juncture without an exogenous shock? *British Journal of Politics & International Relations*, 26 (4), pp. 1299–1321. <https://doi.org/10.1177/13691481241227834>. <https://elibrary.ru/ltuvqj>.
27. Ivanov, A. V., Kozlov, V. E., Guzeirov, R. A. (2025) «Cultural code» of virtual personality: social security in the digital age. *RUDN Journal of Philosophy*, 29 (2), pp. 363–380. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2025-29-2-363-380>. <https://elibrary.ru/rjyaay>.
28. Qi Yu., Jie G., Yun Du., Zhuo D. Yi. (2026) From virtual attachments to real-world fertility desires: emotional pathways in game character attachment and parasocial relationships. *Frontiers in Psychology*, 17, article 1743080. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2026.1743080>. <https://elibrary.ru/ymocco>.
29. Juni, M., Vitali, A. (2025) Family-friendly workplaces and fertility intentions. *Genus*, 81 (1), article 36. <https://doi.org/10.1186/s41118-025-00261-4>. <https://elibrary.ru/ecnqsv>.
30. Natsak, O. D. (2025) Institutional foundations of policy to achieve macro-demographic goals: approaches to solving the problem of low fertility. *Factors and mechanisms of demographic development*. Yekaterinburg, Publ. Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, pp. 543–556. <https://doi.org/10.17059/udf-2025-3-8>. <https://elibrary.ru/gzcywz>.
31. Aassve, A., Conzo, P., Luppi, F., Mencarini, L. (2025) Generalised morality and contemporary fertility dynamics across European regions. *Regional Studies*, 59 (1), pp. 1–12. <https://doi.org/10.1080/00343404.2024.2361126>.
32. Shin, H., Lee, A., Choi, S., Jo, M. (2025) Child-bearing intentions and influencing factors among single young adults in South Korea: a cross-sectional study. *Child Health Nursing Research*, 31 (1), pp. 15–27. <https://doi.org/10.4094/chnr.2024.025>. <https://elibrary.ru/ujnqde>.